

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Александра СМУШАК,

преподаватель кафедры уголовного права
Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника

Summary

The paper analyzes the implementation of criminal policy responsibility for involvement in the crime. In particular specified features criminalization and decriminalize action kinds Institute in volvevement in the crime. The author, consider ring the legal nature of the institution in volvevement in crime base dresearch of the theory of criminal law, give shis own vision for it sinter pretation.

Key words: policy, criminal and legal policy, criminality, prophylaxis, punishment, criminalization, decriminalization, right, moral.

Аннотация

В статье проводится анализ реализации криминально-правовой политики в сфере ответственности за прикосновенность к преступлению. В частности отмечаются особенности криминализации и декриминализации видов института прикосновенности к преступлению. Автор статьи, рассматривая правовую природу института прикосновенности к преступлению, с учетом научных исследований теории уголовного права, даёт собственное виденье относительно его интерпретации.

Ключевые слова: политика, уголовно-правовая политика, преступность, профилактика, наказание, прикосновенность к преступлению, криминализация, декриминализация, право, мораль.

Постановка проблемы. Дискуссионные вопросы, которые возникают при установлении ответственности за прикосновенность к преступлению (предварительно не обещанное укрывательство преступления, приобретения, получения, хранения или сбыта имущества, полученного преступным путем) нуждаются в более обстоятельном научном исследовании, поскольку на сегодняшний день институт прикосновенности к преступлению призван способствовать предупреждению общественно опасных деяний, разоблачению виновных и выявлению latentных преступлений.

Состояние исследования. Исследованию проблемы уголовно-правовой политики в сфере ответственности за прикосновенность к преступлению посвящены труды таких ученых, как Л.Д. Гаухмана, В.К. Гришук, М.И. Ковалева, А.И. Коробеева, А.А. Митрофанова, М.И. Морозова, Г.М. Миньковского, А.В. Зарубина, В.В. Сташиса, П.Л. Фриса и многих других.

Целью и задачей статьи является исследование особенностей правового регулирования института прикосновенности к преступлению и возможность усовершенствования данного правового института.

Изложение основного материала. Политика – это сложный и многогранный феномен, назначением которого есть определение основных направлений деятельности государства, ее содержания и формы, она проявляется во всех областях жизни общества. Одним

из направлений внутренней политики любого государства в любой исторический промежуток времени есть обеспечение законности и правопорядка, в том числе и противодействие преступности. Уголовно-правовая политика является составной частью государственной политики в сфере противодействия преступности, которое осуществляется с помощью материального криминального права.

Политика в сфере борьбы с преступностью определяет стратегию и тактику борьбы с преступностью, имея как конечную цель уменьшение уровня преступности на основе устранения причин и условий, что ее порождают, используя в качестве средства уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право и средства профилактики.

Именно через уголовную политику реализуется задание предотвращения преступности, которое является одним из основных, что стоит перед политикой в сфере борьбы с преступностью [1, с. 13].

Уголовно-правовая политика составляет основу политики в сфере борьбы с преступностью. Она позволяет осуществлять успешную деятельность всей системы мероприятий, направленных на борьбу с преступностью. Эти мероприятия направлены на снижение уровня преступности и проведения индивидуальной профилактики среди деликтоспособного населения.

Уровень правосознания граждан играет далеко не последнюю роль в ре-

ализации профилактической политики. Это связано с тем, что профилактика преступлений осуществляется как государственными органами, так и общественными организациями и гражданами, зависит от согласованности, координации, слаженности их действий [1, с. 197–198].

Профилактическая направленность норм института прикосновенности к преступлению является достаточно большой. Поскольку реализация ее норм направлена на установление благоприятных условий для осуществления законных действий и при этом является сдерживающим фактором для некоторой части преступников и других лиц, склонных к совершению правонарушений. Кроме того, нормы прикосновенности выполняют превентивную функцию, которая способствует большей эффективности реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление.

Принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление включает в себя необходимость законодательного установления и применения к каждому преступлению, а также привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении (с назначением наказания или без него, или с освобождением от его отбывания) либо освобождения (при наличии оснований для того) от уголовной ответственности и возмещения причиненного вреда.

Прикосновенность к преступлению в уголовно-правовой политике госу-

дарства является инструментом обеспечения неотвратимости наказания и предупреждения наиболее тяжёлых и особенно тяжёлых преступлений. Для предотвращения совершения преступлений, направленных против основных, жизненно важных интересов государства и общества, в том числе по отношению к преступлениям, при совершении которых получается незаконная прибыль, наказание за причастность сосредоточено на уменьшение возможности пользования «плодами» преступной деятельности. При этом развитие науки уголовного права повлияло не только на детализацию регуляции ответственности за прикосновенность к преступлению, но и на смену отношения к данному институту.

Принцип неотвратимости ответственности наиболее полно отображается при применении наказания к виновному, который совершил преступление. Наказание выступает как неминуемое следствие, которое должно убедить виновного, что за каждое преступное деяние наступит наказание.

Принцип неотвратимости действует, независимо от того, было ли применено конкретное наказание к определенному лицу или нет, основное, чтобы оно понимало, что за совершенное преступное деяние установлена уголовная ответственность.

Ч. Беккариа отмечал, что уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим более жестоким наказанием, которое сопровождается надеждой на безнаказанность [2, с. 243].

К сожалению, на сегодняшний день игнорируется предупредительное свойство норм всего института прикосновенности к преступлению, которое в свою очередь наделено потенциальной возможностью предупреждения деликтов, способностью положительно влиять на состояние преступности в целом.

Известно, что существуют два пути для повышения сдерживающего действия уголовно-правовых норм: во-первых, увеличить наказание за совершенное преступное деяние; во-вторых, существенно повысить риск наступления ответственности за совершенное преступление.

Эффективнее является все же второй путь, так как неизбежность ответ-

ственности имеет сдерживающую способность предупреждения совершения преступления. Нормы прикосновенности к преступлению направлены на создание безопасного для жизни общества, а также на обеспечение неотвратимости ответственности за преступление. Основной целью принуждения, которые содержатся в нормах об укрывательстве, приобретении, сбыте, попустительстве, несообщении, есть принуждение недобросовестных лиц сотрудничать с правоохранительными органами, а не с преступниками, обеспечивая, тем самым, безопасность друг друга и неизбежность ответственности для виновных.

Прикосновенность к преступлению характеризуется как действием (укрывательство преступления или преступника, орудий и средств совершения преступления, попустительства), так и бездействием (несообщение о преступлении или лице, которое его совершило).

Именно ответственность за бездействие предопределяет поведение лица в той или другой ситуации, при этом вынуждает лицо совершать определенные действия – оказывать помощь, сообщить о преступлении в соответствующие органы и тем самым предупредить наступление преступного результата. Само право стимулирует активность позитивных действий лица, благоприятно влияет на правосознание граждан. Однако активное поведение лица не является основной целью ответственности за прикосновенность к преступлению. Основной целью выступает предупреждение преступлений, наступления их, общественно опасных последствий и неизбежность ответственности за преступление.

Достичь поставленной цели только с помощью моральных норм на сегодняшний день не является возможным. Соотношение в законе моральных и правовых норм является достаточно дискуссионным. Этот вопрос является актуальным и по отношению к институту прикосновенности к преступлению. Право стоит на страже защиты основных ценностей общества, тех же моральных норм.

Уголовно-правовая политика формирует законодательную базу управления борьбы с преступностью, отделяя преступное от не преступного, уголовное от аморального [1, с. 17].

Как удачно замечают В. Селиванов и Н. Диденко, с точки зрения философии, право является совокупностью этических общественных ценностей, таких, как: справедливость, порядок, нравственность, правдивость и другие, основывается на идее социального равенства [3, с. 16].

Критерием моральных норм выступают категории добра и зла, честности, порядочности, совести. Грань между аморальным и преступным является весьма условна и изменчива. Соблюдение правовых норм обеспечивается средствами государственного воздействия. В отличие от права, нормы морали не содержат специальных механизмов влияния, они обеспечиваются силой общественного мнения.

В цивилизованном, высоконравственном обществе, мораль выступает не только основой создания всех общественных институтов, но и на ее основе осуществляется деятельность всех субъектов общественных отношений. Нормы морали основываются на основе произведённых в обществе общих представлениях о таких ценностях, как добро и зло, справедливость, честь, совесть, обязанность, и других категорий которые выступают духовными ценностями. Неоспоримым является мнение В.К. Грищука, который отмечает, что для того, чтобы построить модель уголовной политики государства, духовные категории должны выполнять методологическую функцию. Ситуация, которая сложилась в нашем обществе, обусловлена семидесятилетней упорной деятельностью всех общественных структур под руководством одной и единственной в обществе правящей партии, которая была направлена на подчинение норм морали интересам классовой борьбы, программным принципам партии. Дефицит общечеловеческих ценностей и совершенствование на этой основе уголовно-правового регулирования даст ожидаемые результаты, только в случае, если будет сопровождаться нравственным оздоровлением общества на общих человеческих моральных принципах [4, с. 56].

Обычно мы должны понимать, что создание высоконравственного общества без применения средств, связанных с укреплением правопорядка, дисциплины в обществе, а также неопро-

вержимого выполнения лицом своих обязанностей невозможно.

Для достижения поставленной цели необходимо повысить уровень правосознания населения, а также его отдельных групп, поскольку высокий уровень правосознания населения по общему правилу определяет низкие показатели характеристики преступности и создает необходимые предпосылки к ее последующему стабильному снижению, при этом население должно осознавать правильность и необходимость решений, которые принимаются государством в сфере предупреждения преступности, и стать не просто наблюдателем, но и активным участником воплощения их в жизнь.

На сегодняшний день нормы морали, которые должны быть основой правосознания каждого человека, практически не действуют, потому для того, чтобы предупредить наступление преступлений и их последствий, нужно расширить сферу уголовно-правового влияния на действия, которые носят преступный характер, усилить ответственность за действия лиц, которые способствуют совершению преступления, и обеспечить неизбежность наступления ответственности за совершенное общественно опасное деяние.

Но, к сожалению, уголовно-правовая политика, которая осуществляется нашим государством, направленная на экономии репрессий, что в свою очередь предопределяет расширение области применения наказания, которая осуществляется не в виде реального наказания, а в виде отказа от любых мероприятий карательного влияния или актуализированной угрозы выполнения уже назначенного судом наказания. Кроме того, была осуществлена декриминализация ряда преступных деяний.

Новый Уголовный кодекс Украины 2001 г. внес изменения в институте прикосновенности к преступлению, в частности было декриминализовано один из видов прикосновенности к преступлению – недонесение о преступлении. Данная норма была отменена Законом Украины от 17 июня 1992 г. № 2468–12 «О внесении изменений и дополнений в Уголовном кодексе Украины...». В данном акте отмечалось, что в связи с провозглашением Украины независимым демократическим государством и с целью правовой защиты ее

суверенитета, конституционного строя, внутренней и внешней безопасности, Верховная рада Украины постановляет: упразднить Раздел I в связи с потерей действия Уголовного кодекса 1960 г. и принятием нового Уголовного кодекса Украины 2001 г. Однако, как отмечает Г.М Миньковский, экономия репрессий может и должна осуществляться лишь в тех пределах, которые не препятствуют достижению поставленных перед уголовным законом целей [5, с. 121].

Осуществляя уголовно-правовую политику, нужно избегать крайностей, то ли избыточной либерализации репрессии (ригоризма). Для правильного установления пределов криминальной репрессии, а также видов и характера уголовно-правовых мер, нужно руководствоваться принципом целесообразности. Основной целью, как разработки, так и применения таких мер, является не только охрана правопорядка от преступных посягательств, но и снижение уровня преступности, исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, а также общая и специальная превенция. Институт прикосновенности к преступлению, все его виды, направленные на обеспечение осуществления отмеченных мер. В таком случае возникает вопрос о целесообразности декриминализации одного из видов прикосновенности к преступлению – недонесению о преступлении. Трудно понять, чем руководствовался законодатель, исключая один из видов прикосновенности к преступлению – недонесение о преступлении. Каким образом норма о недонесении, о преступлении могла навредить суверенитету государства ее конституционному строю и внутренней и внешней безопасности Украины?

Декриминализация деяний должна быть предопределена потерей ими общественной опасности, отказом государства признавать их как преступления и нецелесообразностью осуществления уголовно-правовой борьбы с ними.

По мнению О.И. Коробеева, «декриминализацию деяний можно определить как процесс установления оснований отсутствия их общественной опасности, признание нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и отмены их уголовно-правовой наказуемости» [6, с. 58–59].

Процесс декриминализации определенного деяния должен быть не внезапным, это длительный процесс. Он предопределен изменениями, которые происходят в жизни общества, политического, экономического, идеологического, культурного и тому подобное. Декриминализация деяний, смягчения условий ответственности и санкций, за некоторые виды преступлений должны решаться в соответствии с признанными в цивилизованном обществе моральными ценностями, принципами законности, справедливости и гуманизма.

В результате декриминализации деяния происходит исключение уголовно-правовой наказуемости деяния, которое сопровождается или выявлением такого поведения правомерным, социально полезным, или переводом его в ранг административного, дисциплинарного, гражданско-правового деликта. Трудно понять, в какой ранг законодатель отнес недонесение о преступлении, осуществляя его декриминализацию. Несообщение лицом сведений о готовящемся, совершающемся или совершённом преступлении назвать правомерным никак нельзя. О социальной полезности такого поведения мы также говорить не можем, поскольку криминализируя данное деяние как преступление, мы тем самым создаём препятствия для оперативного расследования не только уже совершённых преступлений, а в первую очередь мы создаем благоприятную почву для беспрепятственного приготовления и совершения преступных деяний. Ответственность за несообщение о преступлении дало бы возможность предотвратить совершение таких преступлений. При этом законодатель не устанавливает ответственности за несообщение о преступлении, которое готовится, совершается или совершено, стимулируя тем самым пассивное поведение наших граждан.

Установление ответственности за несообщение в органы юстиции следует рассматривать как один из правовых способов обеспечения неотвратимости уголовной ответственности. Состав этого деяния составляет несообщение о факте совершения преступления, так и о преступнике, месте его нахождения, а также месте нахождения следов, орудий и средств совершения преступления, предметов, добытых преступным путем. Такие сообщения обеспечивают

расследования уголовных дел доказательствами.

Поэтому принятие законодательного решения об исключении ответственности за несообщение о преступлении следует рассматривать как такое, которое вступает в противоречие с реальной действительностью, с точками зрения ученых и практиков. Общеизвестно, что для эффективной борьбы с преступностью необходима полная и объективная информация о ее состоянии. Поисками путей уменьшения количества латентных преступлений занимаются ученые всего мира.

Декриминализацию следует применять осторожно, следует помнить, что мы имеем дело с противоправными деяниями, даже если при этом снижается уровень их общественной безопасности. Осуществляя декриминализацию определённого деяния, которое порождено общественными взглядами, традициями и моделями поведения, право не только даёт такой социальной модели поведения позитивную оценку со стороны общества, но и побуждает определённую часть граждан соблюдать такое поведение и стимулировать поощрение к такому поведению со стороны общества [7, с. 94].

Современные изменения в законодательстве позволяют гражданам безразлично относиться к судьбе других людей и обнаруживать минимальное добро, которое обеспечивает определённую безопасность всего общества и каждого человека в частности. Указанная тенденция современной уголовной политики свидетельствует о недооценке влияния на общественную жизнь скрытой формы права, которая заключается в организовывающей, воспитательной и мобилизующей роли, какая присущая праву самим фактом своего существования.

В нашем обществе значительно снизили моральные требования к человеку, в том числе и со стороны законодателя, что является недопустимым: победа в столкновении добра и зла зависит не только от силы противника. Столкновение никогда не бывает чистым единоборством. Её результат в большинстве определяется тем, как поведут себя окружающие, а именно лица, которые притронулись к преступлению, совершённое другим лицом. Нормы уголовного закона, определяя

варианты поведения лица, включают в себя конкретное государственное веление – разрешение, поощрение, запрет. Таким образом, законодатель с помощью уголовного закона в зависимости от оценки определённых общественных интересов и потребностей стимулирует материализацию таких ценностей [8, с. 79].

Законодатель, осуществляя такую оценку, принимает новые нормы уголовного закона, которые в свою очередь позволяют, поощряют или запрещают под угрозой уголовного наказания конкретное деяние.

Развитие отечественного уголовного законодательства требует осмысления общетеоретических вопросов криминализации общественно опасных деяний с учетом действительных изменений социально-экономических отношений в целях повышения эффективности уголовного закона, достижения поставленных перед ним целей.

А.А. Митрофанов отмечает, что криминализация – это направление уголовной политики, которая заключается в выявлении общественно опасных форм индивидуального поведения, признании допустимости, возможности и целесообразности их уголовно-правового запрета путем их фиксации в законе как преступных и уголовно-наказуемых [9, с. 14].

Но при этом нужно помнить, что криминализация является результатом, а не двигателем социальных изменений, всегда является необходимостью в силу действительного или мнимого несоответствия правового регулирования социально-экономических отношений состояния общества.

Криминализация прикосновенности к преступлению в первую очередь должна быть связана со стремлением государства побуждать граждан к выполнению своих гражданских обязанностей, к консолидации государства и общества, и улучшения функционирования аппарата правосудия.

Интересным есть результаты научного исследования на тему «Теоретические основы обеспечения качества уголовного законодательства и правоприменительной деятельности в сфере борьбы с преступностью в Украине», проведенное в Институте изучения проблем преступности Национальной академии правовых наук Украины, выя-

вило, что среди всех сдерживающих от совершения преступления мотивов есть страх перед наказанием. 74 % опрошенных во время указанного исследования лиц, а также среди других мотивов были названы: «совесть не позволяет», «стыд перед людьми», «отвращение к поступку», «по принципиальным соображениям», «с нерешительности», «религиозность», «никогда не было даже мысли совершить преступление» и др. [10, с. 170]. Как видим, такая процентная ставка подтверждает позитивность установления ответственности за прикосновенность к преступлению. Нормы института прикосновенности к преступлению направлены на выработку у людей позитивного поведения в ситуациях связанных с совершением преступлений другими лицами. Поскольку, именно выбор поведения способен предупредить наступления преступных последствий таких, как смерть, телесные повреждения, а значит, положительно повлияет на развитие и результат преступного события.

Выводы. Институт прикосновенности к преступлению содержит в себе нормы, которые дисциплинируют поведение человека в обществе. Именно нормы института прикосновенности к преступлению направлены на выработку у людей определенного поведения, связанного с совершением преступлений другими лицами. В зависимости от того, как поведёт себя человек в той или иной ситуации, будет зависеть, наступит ли смерть лица, будут ли нанесены иные тяжкие последствия преступления. Именно закрепление в законе норм прикосновенности к преступлению будет воспитывать у лица правомерное поведение, побуждая ее к совершению правомерных действий.

Нормы, устанавливающие ответственность за прикосновенность к преступлению (существующие и предложенные автором), содержат в себе высоконравственные требования, которым должен соответствовать человек, который стал причастным к преступлению других лиц. С одной стороны, реализация норм прикосновенности к преступлению становится препятствием для преступной деятельности, с другой стороны, нормы причастности к преступлению помогают реализации принципа неотвратимости ответственности за конкретное преступление,

способствуют сокращению латентных преступлений, раскрытию и выявлению преступников.

Список использованной литературы:

1. Фрис П.Л. Уголовно-правовая политика Украинского государства : теоретические, исторические и правовые проблемы [Текст] / П. Л. Фрис. – К. : Атика, 2005. – 332 с.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // О свободе. Аналогия западноевропейской классической мысли / Отв. ред. М.А. Абрамов. – М., 1995. – 483 с.
3. Селиванов В., Диденко Н. Правовая природа регулирования общественных отношений [Текст] / В. Селиванов., Н. Дидеренко // Право Украины. – 2000. – № 10. – С. 16.
4. Грищук В.К. Проблемы современной уголовной политики Украины [Текст] / В.К. Грищук // Республиканец. – 1993. – № 16. – С. 53–58.
5. Миньковский Г., Мирзажанов К. Проблемы охраны правопорядка и борьбы с правонарушениями [Текст] / М. Миньковский, К. Мирзажанов. – К. – Ташкент: Узбекистан, 1984. – 175 с.
6. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации: [монография] [Текст] / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1987. – 267 с.
7. Грек Б. Декриминализация деяний как один из видов гуманизации уголовной ответственности: сущность и основания [Текст] / Б. Грек // Юридическая Украина. – 2012. – № 8. – С. 90–95.
8. Грищук В.К. Понятие криминализации [Текст] / В. К. Грищук // Весник Львовского ун-та. Серия юридическая. – Вып. 31. – Львов, 1994. – С. 76–80.
9. Митрофанов А. А. Основные направления уголовно-правовой политики в Украине : автореф. дис. ... на соискание наук. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» [Текст] / А. А. Митрофанов. – К., 2005. – 22 с.
10. Сташис В. Роль та значения наказания в системе предупреждения преступности [Текст] / В. Сташис // Право Украины. – 2011. – № 9. – С. 167–173.

ORGANIZATION OF REVOLUTIONARY COMMITTEES IN POLTAVA PROVINCE (DECEMBER 1919 – FEBRUARY 1920)

Vasyl STRILETS,

DLitt in History, Professor

Poltava Law Institute, Yaroslav Mudryi National Law University

Summary

The article deals with setting up Soviet power in Poltava province in late 1919 – early 1920 in the form of its extraordinary bodies: provincial, county, district and village revolutionary committees. The organization of revolutionary committees took place mainly on the basis of a legal act of the Soviet Russia with the use of military power. It is shown that the organization of district and village revolutionary committees was conducted mainly by provincial and county revolutionary committees in the form of elections. Much of the rural population of the province was actively involved in the process of organizing local revolutionary committees, but its results in social and political terms did not satisfy the provincial and county revolutionary committees. Therefore, local revolutionary committees were re-elected in order to make their staff consistent with the principle of Soviet regime as a dictatorship of proletariat and poorest peasantry.

Key words: Poltava province, Soviet power, revolutionary committees.

Аннотация

В статье рассматривается установление на рубеже 1919–1920 гг. в Полтавской губернии советской власти в форме ее чрезвычайных органов – губернского, уездных, волостных и сельских революционных комитетов. Организация ревкомов состоялась в основном на базе нормативно-правового акта Советской России с использованием военной власти. Показано, что организация волостных и сельских ревкомов проводилась в основном губернским и уездными ревкомом в форме выборов. Значительная часть сельского населения губернии достаточно активно включилась в процесс организации местных ревкомов, но его результаты в социально-политическом отношении не удовлетворили губернский и уездные ревкомы. Поэтому местные ревкомы реорганизовывались в форме переизбрания, с тем, чтобы их состав соответствовал принципу советской власти как диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Ключевые слова: Полтавская губерния, советская власть, революционные комитеты.

Formulation of the problem.

The problem of setting up Soviet power in Ukraine requires an unbiased research as the issues of formal and actual status of the Ukrainian Soviet statehood, Soviet Russia's and the Bolshevik Party's influence on its development have not become purely academic scientific problem, significantly influencing the political process in modern Ukraine. National Soviet law and history scholars repeatedly turned to the subject [1]. However, despite significant accumulation of factual material, for obvious reasons they could not avoid the mandatory set of ideological clichés answering a range of important questions. In turn, modern historiography has shown no significant interest in the problems of the Soviet state-building, which reinforces the relevance of the proposed research.

The aim of the paper is to investigate the regulatory framework and the actual

process of the provincial, county, district and village committees as extraordinary revolutionary Soviet authorities in Poltava province in late 1919 – early 1920.

Basic material. The experience of revolutionary events of 1917–1919 persuaded the Russian Communist Party (of Bolsheviks) (RCP (b) in the effectiveness of revolutionary committees for strengthening Soviet power, especially in the national areas of the former Russian Empire, where the level of public support was much lower than in Great Russia. However, by the end of 1919 it had become necessary to generalize the previous experience of creating revolutionary committees, their activities and to determine their legal status. Therefore, on October 24, 1919 the Russian Central Executive Committee (RCEC) and Soviet Russia Defence Council adopted «on revolutionary committees», which defined the legal